

С.В. Мурзина, Е.Г. Новикова

ОБРАЗ ГАРИБАЛЬДИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\19.

Впервые системно собран, описан и проанализирован основной массив высказываний Ф.М. Достоевского, посвященных его современнику, лидеру итальянского Рисорджименто Джузеппе Гарибальди. Осуществлен опыт реконструкции образа итальянского политического деятеля в творчестве русского писателя как в социокультурном контексте России 1860–1870-х гг., так и в аспекте актуальной политической проблематики Рисорджименто. Показано, что Достоевский обращался к образу Гарибальди на протяжении всего творчества.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; Дж. Гарибальди; А.Г. Достоевская; Рисорджименто; «Петербургские сновидения в стихах и прозе»; «Зимние заметки о летних впечатлениях»; «Двойник»; «Подросток»; «Дневник писателя».

Джузеппе Гарибальди – один из самых ярких политических деятелей европейской истории середины – второй половины XIX в., национальный герой Италии, один из лидеров Рисорджименто, главным политическим завоеванием которого стало объединение страны и нации.

Сложные, зачастую противоречивые события Рисорджименто находились в центре европейского политического внимания. Уже в 1856 г. французские газеты писали: «Вся Европа сейчас занята только итальянским вопросом <...> Проблема Италии стала актуальней восточного вопроса» [1. С. 193–194].

В свою очередь, в России «...в 1860 г. не было ни одного номера русской газеты или журнала без статьи об итальянских событиях и о Гарибальди. Ежедневно в газетах излагались новые подробности его биографии, его взаимоотношений с Кавуром и Виктором-Эммануилом» [2. С. 270]. Характерно, что в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» Ф.М. Достоевского чиновник, вообразивший себя Гарибальди, впервые узнал о нем из газет: «вычитал он что-то случайно в подвернувшейся на столе газете» [3. С. 72].

Журнал братьев Достоевских «Время» сразу же активно включился в этот общий процесс осмысления актуальных итальянских событий. В центре «Политического обозрения» самого первого номера журнала 1861 г. – именно Гарибальди, его биография, его политическая деятельность, наконец, его исключительная личность: «В минуту опасности он отдавал приказания, одушевлял свое войско и дрался впереди всех с неустрашимостью истинного героя» [4. С. 28]. «Триумфальное шествие Гарибальди <...> к Неаполю» [4. С. 28] вписано здесь в общеевропейский контекст как истинная «жизнь»: «Вся Европа следила за этим шествием с самым напряженным любопытством. Деятельность производит на умы неодолимое очарование. Где действие, там жизнь <...> И деловой человек, и государственный муж, и простой работник, и поэт – в то время принимались за свое дело не иначе как с мыслью: что-то делает Гарибальди? Что он потом станет делать?» [4. С. 28].

В этом же номере «Времени» были опубликованы «Петербургские сновидения в стихах и прозе» Достоевского [5], где сам писатель также обращается к Гарибальди. Одно из «сновидений» повествователя –

рассказ о бедном чиновнике, в котором «образовалась мало-помалу неотразимая уверенность, что он-то и есть Гарибальди, флибустьер и нарушитель естественного порядка вещей» [3. С. 72].

Так, Достоевский, стремясь быстро и активно проявить себя в новой российской действительности начала 1860-х гг. и организовав для этого журнал «Время», входит в нее, если можно так выразиться, с именем Гарибальди на устах. Гарибальди в первом номере «Времени» – и в художественном произведении писателя, и в «Политическом обозрении».

В настоящее время степень изученности темы «Достоевский и Гарибальди» невелика, исследователи к ней обращаются пока только для постановки и изучения отдельных вопросов, связанных с Достоевским и с восприятием Гарибальди в России в целом [6–10 и др.]. В данной работе впервые сделана попытка системно собрать и изучить материалы русского писателя, посвященные Гарибальди. Актуальность исследования обусловлена современными представлениями о Достоевском как об оригинальном политическом мыслителе [11–15 и др.], чьи взгляды востребованы и в современной политике [16, 17 и др.], а также общей проблематикой российско-итальянских взаимоотношений.

Как уже было сказано выше, первое обращение Достоевского к имени Гарибальди зафиксировано в его «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» 1861 г.

«Приснилось мне недавно вот что: жил-был один чиновник, разумеется в одном департаменте. Ни протеста, ни голоса в нем никогда не бывало; лицо вполне безгрешное» [3. С. 71], – так начинает Достоевский свою историю о чиновнике-Гарибальди, сразу же при этом прямо указывая на гоголевскую традицию «Записок сумасшедшего»: «Никогда-то он почти ни с кем не говорил и вдруг начал беспокоиться, смущаться, расспрашивать всё о Гарибальди и об итальянских делах, как Поприщин об испанских...» [3. С. 72]. «Старые знакомые стучатся иногда в мою дверь» [3. С. 71], – специально подчеркивает это писатель. Рядом с гоголевским образом маленького человека – чиновника вполне закономерно возникает тема Невского проспекта: «Ходил мой чудак сторбившись, смотрел в землю, и когда, бывало, возвра-

щаясь к себе на Петербургскую, он попадал на Невский, то, наверное, на Невском никогда не являлось существа покорнее и безответнее» [3. С. 71]. А также – собственно «поприщинская» тема сумасшествия: «его отвезли в сумасшедший дом» [3. С. 72].

Путь и судьба гоголевского / петербургского чиновника – сумасшествие, именно это важно здесь Достоевскому. Поэтому в сновидениях его повествователю являются «вполне титулярные советники и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники» [3. С. 71]. И такой современной, актуальной «фантастикой» России начала 1860-х гг. становится образ Гарибальди: «И вот в нем образовалась мало-помалу неотразимая уверенность, что он-то и есть Гарибальди».

Но и в гоголевских «Записках сумасшедшего» – не только «Испания», но и «Италия»: «струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия» [18. С. 195]. Здесь, в знаменитом финале «Записок сумасшедшего», несчастный Поприщин умоляет о помощи и спасении: «Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, как мучат его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят!» [18. С. 195].

«Ему нет места на свете! его гонят!» – это можно было бы сказать и о герое Достоевского. Изначальная суть его личности – смирение, терпение, молчание: «ни протеста, ни голоса в нем никогда не бывало; лицо вполне безгрешное»; «упорно молчал, опустил глаза в землю и что-то пришепечывая, как будто замаливал у Господа свои прегрешения» [3. 71–72]. Далее следует вполне ожидаемая тема петербургского чиновника как маленького и несчастного человека: «Дома у него была <...> ворчунья жена, с шестерыми детьми. И когда все дома просили хлеба, рубашек и обуви, он сидел себе в уголку у печки, не отвечал ни слова, писал казенные бумаги или упорно молчал <...> И когда слезы, попреки и терзанья дошли наконец до последней степени, бедняк вдруг поднял голову и проговорил, как Валаамов осел, но проговорил так странно, что его отвезли в сумасшедший дом. И могло же ему войти в голову, что он – Гарибальди!» [3. 71–72].

В это же время начиная с 1860 г. Достоевский несколько лет перерабатывал повесть «Двойник» (переработка будет закончена только в 1866 г. и станет каноническим вариантом произведения). В «Черновых набросках к предполагавшейся переработке повести» под названием «В Голядкина» содержится несколько записей, объединенных именем Гарибальди, которые разворачиваются в набросок некоей специальной сюжетной линии (которая в окончательном варианте произведения отсутствует):

«Обвинение Голядкина в том, что он Гарибальди.

<...> Головоломное известие, во-1-х, о Гарибальди, а во-2-х, о кислороде и водороде.

<...> О появлении в городе знаменитого в городе разбойника Гарибальди.

В Голядкине видно, как человек путается, потому что, кроме администрации, никто ничего не знает. (Ну что, если вот Гарибальди, а я о нем ничего не знаю.)

Справляется о Гарибальди в разных министерствах. Секрет-с. За гривенник достает адрес: статский советник в отставке, в Кирпичном переулке, № 31.

Идет в Кирпичный переулок, ждет. Лакей выпроваживает» [19. С. 435–436].

Безусловно, наброски этого микросюжета требуют специального анализа в контексте творческой истории повести «Двойник». Но вполне очевидно то, что, одновременно с «Петербургскими сновидениями в стихах и прозе», в этих набросках к новому «Двойнику» также возникает тема Гарибальди в России, Гарибальди в Петербурге («о появлении в городе знаменитого в городе разбойника Гарибальди»), и в него вновь потенциально может превратиться петербургский чиновник, причем здесь – даже в двух вариантах, это и сам Голядкин («обвинение Голядкина в том, что он Гарибальди»), и некий «статский советник в отставке». Восприятие этим типом героя Достоевского Гарибальди как «флибустьера и нарушителя естественного порядка вещей» продолжается и в этих набросках: «разбойник».

Самоидентификация героя «Петербургских сновидений в стихах и прозе» как Гарибальди, когда он после своего глубокого терпения и смирения заговорил «как Валаамов осел, – это бунт. «Это бунт, – тихо и потупившись проговорил Алеша» [20. С. 223], прежде чем Иван Карамазов начал пересказывать ему свою поэму о великом инквизиторе. А проблематика великого инквизитора также восходит, в частности, к гоголевским «Запискам сумасшедшего»: «не попался ли я в руки инквизиции, и тот <...> не есть ли сам великий инквизитор» [18. С. 193], «сегодня великий инквизитор пришел в мою комнату» [18. С. 194] и пр.

Если измученный маленький человек Гоголя только молит о спасении, подчеркнуто продолжающий его традицию герой Достоевского оказывается способным на бунт. О Гоголе и Достоевском много писал В.В. Розанов в своей классической работе, посвященной именно великому инквизитору, в «Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария»: «Вся литература наша после Гоголя обратилась к проникновению в человеческое существо <...> Достоевский прежде всех других заговорил о жизни, которая может биться под самыми душными формами, о человеческом достоинстве, которое сохраняется при самых невозможных условиях» [21. С. 52–53].

Бунт маленького человека Достоевского против сложившегося мироустройства, когда «весь Божий мир скользил перед ним и улетал куда-то, земля скользила из-под ног его» [3. 72], фиксируется именем Гарибальди. В российской культуре начала 1860-х гг. сформировалось устойчивое представление о Гарибальди как о «вселенском радетеле униженных и угнетенных ¹» [6. С. 78], эти контексты и определили динамику гоголевского образа маленького человека до чиновника-Гарибальди в произведении Достоевского.

«Бунт? Я бы не хотел от тебя такого слова, – проникновенно сказал Иван. – Можно ли жить бунтом, а я хочу жить» [20. С. 223]. Герой Достоевского, осознав себя Гарибальди, осознает себя также «преступ-

ником», «флибустьером», «нарушителем естественного порядка вещей»: «И вот в нем образовалась мало-помалу неотразимая уверенность, что он-то и есть Гарибальди, флибустьер и нарушитель естественного порядка вещей. Сознав в себе свое преступление, он дрожал день и ночь» [3. С. 72]; «в одно утро он вдруг бросился в ноги его превосходительству: виноват, дескать, сознаюсь во всем, я – Гарибальди, делайте со мной что хотите!..» [3. С. 72]. Бунт героя-Гарибальди Достоевского, обозначившись и состоявшись, одновременно с этим, практически мгновенно, превращается в акт покаяния, в акт признания своего греха, признания сущностной греховности природы человека, который должен «замаливать у Господа свои прегрешения».

Так это самое первое обращение Достоевского к Гарибальди уже оказалось связанным с глубинным формированием таких сущностных проблем его творчества, осмысление которых пройдет через всю его жизнь и которые до сих пор остаются актуальными (см., например: [17]).

К началу 1860-х гг. относится также следующая запись Достоевского в <Записной книжке 1860–1862 гг.>: «NB. Французы бы не пошли против Гарибальди» [22. С. 155].

В этой «Записной книжке» есть раздел, озаглавленный «Чернышевскому», в котором Достоевский сделал ряд заметок, посвященных определенным публикациям в журнале «Современник».

В частности, политический обзор Н.Г. Чернышевского «Октябрь 1860» в «Современнике» [23. С. 295–327] был посвящен «Итальянским делам» [23. С. 295]. Здесь Чернышевский анализирует стратегии Гарибальди и Кавура² по отношению к Риму, который в это время находился под патронажем Франции, в нем и некоторых других итальянских городах были размещены «французские гарнизоны» [23. С. 321] с целью сохранения «клерикального управления» [23. С. 320] Италией, которое поддерживал Наполеон III. Опираясь в своем анализе на целый ряд европейских изданий, русский мыслитель утверждает, что «Гарибальди напрасно приписывают намерение идти на французов» [23. С. 319], «Гарибальди хотел действовать в этом вопросе не вооруженною силою, а нравственным влиянием, хотел довести французов до того, чтобы они добровольно удалились из Рима» [23. С. 319].

Достоевский, активно полемизируя с Чернышевским по целому ряду вопросов³, по поводу итальянских событий пишет следующее: «Если кто с вами согласен, что Кавур был человек довольно дюжинный, так это мы» [22. С. 154]. Чернышевский, сравнивая политические действия Гарибальди и Кавура, утверждал, что «ловкий Кавур» [23. С. 318] только воспользовался «программой <...> провозглашавшейся» [23. С. 318] Гарибальди. Вот что пишет по этому поводу Достоевский: «Если кто мог негодовать вместе с вами, что такая дюжинная душа властвует над всеми, вопреки гениальным, из умения воровски пользоваться гениальными мыслями, так это мы» [22. С. 155]. «Дюжинной душе» «вороватого» Кавура Достоевский противопоставляет «гениальность», «гени-

альные мысли» – человека, в котором без труда узнается Гарибальди. Поэтому далее в своей реплике «NB» Достоевский усиливает еще один аспект личности Гарибальди, его особое «нравственное влияние» [23. С. 319], его «неодолимое очарование» [4. С. 28] для всей Европы того времени, именно поэтому, по мысли русского писателя, «французы бы не пошли против Гарибальди».

Таков диапазон изображения Гарибальди, заданный в самых первых упоминаниях о нем Достоевского начала 1860-х гг., – это и политический деятель, который борется за «униженных и оскорбленных», и «гениальная» личность, представление о которой связано с вопросами истинно нравственной позиции человека. В целом же на этом первом этапе Гарибальди представлен у Достоевского в основном простой фиксацией имени и крайне лаконичными (хотя достаточно сложными по своему смыслу) определениями: «я – Гарибальди» / «он Гарибальди», «флибустьер», «нарушитель естественного порядка вещей», «разбойник», «гений», «гениальные мысли».

В 1862 г. Достоевский впервые выехал в Европу, и творческим результатом поездки стали «Зимние заметки о летних впечатлениях», опубликованные также во «Времени» в 1862 г. Размышления о Гарибальди здесь были продолжены.

Если в 1860–1861 гг. основным источником информации о деятельности Гарибальди были для Достоевского газеты и журналы, то теперь он впервые окунулся в европейскую жизнь как очевидец. На основании этого реального жизненного опыта в «Зимних заметках...» впервые был создан художественный образ итальянского политического деятеля. В произведение вошло описание разговора о Гарибальди, в котором участвовали итальянцы и французы (а также русской писатель – как молчаливый, но внимательный слушатель). Общий смысл этого разговора в контексте произведения Достоевского – создание «опыта» [24. С. 74] о буржуазной Европе, самым ярким воплощением которой, по мысли писателя, стала французская буржуазия. Меркантильному французскому буржуа он противопоставляет здесь яркий образ итальянского национального героя [9. С. 39].

«Сидел я раз за одним табльдотом – это уж было не во Франции, а в Италии, но за табльдотом было много французов. Толковали о Гарибальди. Тогда везде толковали о Гарибальди. Это было недели за две до Аспромонте⁴. Разумеется, говорили загадочно <...> Общий смысл разговора был тот, что Гарибальди затеял дело рискованное, даже неблагоразумное; но, конечно, высказывали это мнение с недоговорками, потому что Гарибальди – человек до того всем не в уровень, что у него, пожалуй, и выйдет благоразумно даже и то, что по обыкновенным соображениям выходит слишком рискованным. Мало-помалу перечисляли его качества – приговор был довольно благоприятный для итальянского героя.

– Нет, я одному только в нем удивляюсь, – громко проговорил один француз <...>

Разумеется, все с любопытством обратились к оратору.

Новое качество, открытое в Гарибальди, должно было быть для всех интересным.

– В шестидесятом году, некоторое время, в Неаполе, он пользовался неограниченной и самой бесконтрольной властью. В руках у него была сумма в двадцать миллионов казенных денег! В этой сумме он никому не давал отчета! Он мог взять и утаить сколько угодно из этой суммы, и никто бы с него не спросил! Он не утаил ничего и сдал правительству все счетом до последнего су. Это почти невероятно!!

Даже глаза его разгорелись, когда он говорил о двадцати миллионах франков.

Про Гарибальди, конечно, можно рассказывать все что угодно. Но сопоставить имя Гарибальди с хаптурками из казенного мешка – это, разумеется, мог сделать только один француз.

И как наивно, как чистосердечно он это проговорил. За чистосердечие, разумеется, все прощается, даже утраченная способность понимать и чутко настоящей чести» [24. С. 83–84].

Именно личность Гарибальди – в центре этого описания, он предстает здесь «итальянским героем», «человеком» совершенно особого «уровня», человеком «чести». Так, в «Зимних заметках...» тема его гениальности и высоких нравственных качеств была не только продолжена, но развернута в два специальных небольших сюжета: в сюжет его обсуждения итальянцами и французами и в сюжет его пребывания у власти в Неаполе; на этом сложном двойном разнородном основании рождается у Достоевского художественный образ итальянского полководца.

Обращает на себя внимание та точность, с которой Достоевский описывает политическую деятельность Гарибальди: «Это было недели за две до Аспромонте». В 1864 г. уже в журнале «Эпоха», активно полемизируя с А.А. Краевским и его газетой «Голос», писатель напоминает о позиции этого издания по отношению к Гарибальди: победа знаменитой «гарибальдийской тысячи» над генералом Франческо Линди при Калатафими в 1860 г. была описана в нем неточно и предвзято, в том числе само местечко было названо «Кастельфидардо». Достоевский здесь резко возражает против этих «последних штучек» [25. С. 20] А.А. Краевского. Все это свидетельствует о том, что сам Достоевский в 1860-е гг. внимательно следил за сложными перипетиями политической борьбы Гарибальди и стремился быть в курсе последних событий итальянского Рисорджименто.

В 1867 г. супруги Достоевские уехали в Европу (чтобы прожить там долгие четыре года); к этому периоду относятся три случая упоминания Гарибальди в письмах писателя.

Одно из них вновь свидетельствует о пристальном внимании Достоевского к политической деятельности и судьбе Гарибальди. В письме к С.А. Ивановой от 1 (13) января 1868 г. Достоевский упоминает поражение Гарибальди при Ментане 3 ноября 1867 г.: «разбитие Гарибальди» [26. С. 253, 462].

А в 1867 г. Достоевскому довелось увидеть Гарибальди лично. Впечатления русского писателя вошли как в его письма, так и в воспоминания А.Г. Достоевской.

В августе этого года супруги Достоевские для постоянного проживания выбрали Женеву. В конце августа – начале сентября в городе проходил конгресс Лиги мира и свободы – одно из крупных политических мероприятий, связанных с формированием I Интернационала. В нем принял участие и Гарибальди. «Я сюда попал прямо на *Конгресс Мира* (здесь и далее курсив Ф.М. Достоевского. – Е.Н.), на который приехал и Гарибальди. Гарибальди скоро уехал, но что эти господа, – которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, – социалисты и революционеры, ввали с трибуны перед 5 000 слушателей, то невыразимо!» [26. С. 224], – пишет Достоевский в письме к С.А. Ивановой от 29 сентября (11 октября) 1867 г. Из письма А.Н. Майкову от 3 (15) сентября того же года: «Видел и Гарибальди. Он мигом уехал» [26. С. 217].

Сами супруги Достоевские посетили заседание Конгресса 30 августа (11 сентября), и свое общее впечатление писатель выразил в уже приведенном выше письме С.А. Ивановой: «...что эти господа, – которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, – социалисты и революционеры, ввали с трибуны перед 5 000 слушателей, то невыразимо!» [27. С. 155–156]. Судя по всему, впечатления русского писателя и итальянского политического деятеля об этом Конгрессе совпали: Гарибальди «мигом уехал», потому что, встреченный самым пышным образом, в конечном счете не нашел общего языка с его организаторами.

Если в этих письмах Достоевского только упоминается его имя, то развернутый рассказ о Гарибальди в Женеве 1867 г. содержится в воспоминаниях А.Г. Достоевской, сначала – в ее «Дневнике 1867 г.» [27], затем – в поздних, составленных на его основе, но существенно отредактированных «Воспоминаниях» 1910-х гг. [28]. В сущности, описание Гарибальди в текстах А.Г. Достоевской – это еще один развернутый образ итальянского полководца, созданный пусть не самим Достоевским, но в ближайшем круге его авторитетного влияния.

Подробный рассказ о Гарибальди в Женеве и об отношении к этому событию супругов Достоевских дан в «Дневнике 1867 г.», в «Воспоминаниях» же представлен гораздо более сокращенный и схематизированный вариант. «Сравнение расшифрованного «Дневника» за 1967 год и соответствующих ему по времени страниц воспоминаний позволяет судить о том, каким образом переделывались Анной Григорьевой записи непосредственные, по горячим следам <...> Именно поэтому «Дневник» в чем-то более достоверный мемуарный документ» [30. С. 17]. Эти размышления ученых, подготовивших «Воспоминания» к печати, самым непосредственным образом могут быть отнесены к описанию Гарибальди.

Приведенные далее записи из «Дневника 1867 г.» датированы 8–9 сентября / 27–28 августа 1867 г.: «Сегодня день приезда Гарибальди <...> Народ попадался толпами, все спешили смотреть на разные депутации, которые отправляются встречать Гарибальди на железную дорогу. Собраться назначено было ровно в 5 часов <...> Я пошла домой, а Федя читать газеты. Сговорились, что он скоро придет <...> Я сидела дома все время, пока на мосту Монблан не показалась

депутация. Тогда я тоже пошла и вышла на улицу Монблан <...> Улица Монблан очень широкая, но она была решительно наполнена народом до невозможности, особенно много было ребятишек и, как я заметила, они-то больше всех и суетились, когда началась процессия. Окна здешних 5- и 6-этажных домов были заняты дамами в нарядах и мужчинами. Мне было ужасно скучно ходить по улице одной и я, право, жалела, что не было со мной Федей <...> Наконец шествие кое-как пошло, и за депутациями ехал в открытой коляске в 4 лошади и с жокеем впереди Гарибальди. Издали, когда я увидела его лоб, мне показалось, что это Федя, так у него лоб похож на лоб Гарибальди. Наконец, показался и он, одетый в красный камзол и в полосатом плаще, с серой шляпой, которою он махал во все стороны. Какое у него доброе, прекрасное лицо, лет ему 55, мне кажется, он с лысиной. Но что за доброе, милое, простое лицо, должно быть, он удивительно добрый и умный человек <...> Когда народ несколько отхлынул, я отправилась домой и пришла гораздо раньше Федей и всех наших хозяек, которые, как потом говорили, отправились слушать речь, которую говорил Гарибальди с балкона дома президента <...> Когда воротился Федя, я начала бранить, зачем он за мной не зашел <...> я его (Гарибальди. – Е.Н.) видела очень близко, так что отлично могла рассмотреть его благородное лицо.

<...> Мы решились сегодня пораньше идти, чтобы до обеда прогуляться по городу <...> Мы, пообедав, пошли искать библиотеку и по дороге встретили Гарибальди, который ехал вместе с президентом в коляске из конгресса. За ним и перед ним бежала толпа мальчишек, а он предобродушно раскланивался» [30. С. 242–244].

«Воспоминания»: «В начале сентября 1867 года в Женеве состоялся Конгресс мира, на открытие которого приехал Джузеппе Гарибальди. Приезду его придавали большое значение, и город приготовил ему блестящий прием. Мы с мужем тоже пошли на rue du Mont-Blanc, по которой он должен был проезжать с железной дороги. Дома были пышно убраны зеленью и флагами, и масса народу толпилась на его пути. Гарибальди, в своем оригинальном костюме, ехал в коляске стоя и размахивал шапочкой в ответ на восторженные приветствия публики. Нам удалось увидеть Гарибальди очень близко, и мой муж нашел, что у итальянского героя чрезвычайно симпатичное лицо и добрая улыбка» [29. С. 188–189].

Незадолго до этого события в письме А.Н. Майкову из Женевы от 16 (28) августа 1867 г. Достоевский следующим образом описывает Анну Григорьевну: «В характере Анны Григорьевны оказалось решительное антикварство (и это очень для меня мило и забавно). Для нее, например, целое занятие пойти осматривать какую-нибудь глупую ратушу, записывать, описывать ее (что она делает своими стенографическими знаками и исписала 7 книжек⁵)» [26. С. 205]. Можно предположить, что именно это «антикварство» подвигло Анну Григорьевну принять участие во встрече Гарибальди и подробно описать ее в «Дневнике». Достоевский с ней не пошел, он предпочел пойти в местную библиотеку чи-

тать последние газеты (в которых, очевидно, тема Гарибальди занимала не самое последнее место). В «Воспоминаниях» – не так, здесь описано, как супруги Достоевские вместе пошли встречать Гарибальди «на rue du Mont-Blanc, по которой он должен был проезжать с железной дороги».

Судя по «Дневнику», главное первое впечатление А.Г. Достоевской о Гарибальди – его удивительное лицо: «какое у него доброе, прекрасное лицо <...> что за доброе, милое, простое лицо, должно быть, он удивительно добрый и умный человек <...> благородное лицо». Безусловно, возникает вопрос о том, вправде ли была Анна Григорьевна в «Воспоминаниях» приписать это свое впечатление о Гарибальди и Достоевскому: «мой муж нашел, что у итальянского героя чрезвычайно симпатичное лицо и добрая улыбка». Думается, ответить на этот вопрос можно положительно. В «Дневнике 1867 г.» А.Г. Достоевская самым подробным образом описывает, в том числе, и те споры, недоразумения, противоречия, которые возникали между молодыми супругами в этот первый год их совместной жизни, и какие-либо расхождения по поводу Гарибальди, если бы они были, она должна была бы зафиксировать. Косвенным ответом на этот вопрос также может стать ее поразительное сравнение внешности Гарибальди и Достоевского: «Издали, когда я увидела его лоб, мне показалось, что это Федя, так у него лоб похож на лоб Гарибальди». Как однажды заметил писатель в письме к А.Н. Макову из той же Женевы, «я красавец <...> в глазах Анны Григорьевны – и серьезно, я Вам скажу!» [26. С. 278]. Во внешности и Гарибальди и Достоевского Анна Григорьевна увидела доброту, ум, благородство, то же самое, по ее словам, увидел и сам русский писатель в «итальянском герое».

При этом в описании реальной случайной встречи супругов Достоевских с Гарибальди, которая произошла на второй день пребывания его в Женеве, есть один новый акцент – его простодушие: «он предобродушно раскланивался». Далее простодушие Гарибальди станет одним из важнейших его качеств и как человека, и как политика в описании Достоевского: «Этот последний вопрос никогда не влезает в такие головы, как у Гарибальди. Они так простодушно веруют...» [31. С. 69]; «И дела великие легки при таком простодушии» [31. С. 69]; «...Гарибальди, человек простодушнейший до странности <...> может быть, очень честолюбивый, но непременно гениальный» [32. С. 282]. Можно предположить, что основу этого восприятия Достоевским Гарибальди как «человека простодушнейшего» составило то первое и единственное личное впечатление о нем, которое и запечатлела А.Г. Достоевская в «Дневнике 1867 г.».

О «простодушии» Гарибальди Достоевский писал, в частности, в подготовительных материалах к «Подроску» 1874 г. в «Заметках, планах, набросках. 11 (23) июля – 7 (19) сентября 1874)». При этом вновь, как это было с повестью «Двойник», упоминания о нем так и останутся в черновых материалах и не войдут в окончательный текст романа несмотря на то, что Гарибальди здесь посвящен фрагмент, значительный как по объему, так и по своим смыслам.

Источники представлений о Гарибальди расширяются далее: к газетам, журналам и личным впечатлениям добавились «Записки» [33] («Мемуары» [34]) итальянского политического деятеля.

«*Записки Гарибальди*». «Вы, – говорит он правительствам и государям, – творцы интернационалки и революции, потому что вы противитесь истине и человеческому братству»⁶. Экономическая система Гарибальди сводится вся к следующему: «Каким образом избежать опасности? Ничего нет легче: стоит только, чтоб потребляющие теперь за пятьдесят человек потребляли бы только как двадцать пять».

«– Таких убеждений человеку легко жить на свете. Таких экономических правил можно надеть сколько угодно, но как их исполнить? Этот последний вопрос никогда не влезает в такие головы, как у Гарибальди. Они так простодушно веруют в совершенные пустяки, что удивление берет, как они могут иметь влияние.

– Чистым великим характером. Тем, что служили провозвестниками великой идеи.

– Так, уступая, Гарибальди, в противоположность всем революционерам, не нажился и отверг миллионы, предлагавшиеся ему правительством Италии! Но все-таки согласитесь, что сей храбрый генерал и честный человек *мыслию не орел*.

– Он был защитник[ом] великой идеи всю свою жизнь.

– Видите ли-с, эти люди легко веруют, а потому им и жизнь легка.

– А дела великие?

– И дела великие легки при таком простодушии.

Замечание.

NB. Разговоры Подроска с НИМ вначале имеют иногда следующую форму:

– А что вы думаете о Гарибальди?

– А что вы думаете вообще о женщинах?

– А что вы думаете о будущей жизни? и т.д.

Т.е. все такие бессвязно-поспешные внезапные вопросы (также и с Витей при первом свидании). Как будто Подросок спешит, чтоб не забыть задать вопросы, о которых он про себя *уже много прежде думал* и которые его очень интересуют» [31. С. 69–70].

Подобно описанию разговора о Гарибальди в «Зимних заметках о летних впечатлениях» в Италии, данный текст о Гарибальди также организован как диалог. Судя по «Замечанию», это были подготовительные материалы к тем обширным диалогам, которые вели Аркадий Долгорукий и Версилов и в которых исходная позиция вопрошания всегда принадлежала Подроску. И тема Гарибальди важна для него здесь так же, как темы «будущей жизни» и «женщин», это темы, «о которых он про себя уже много прежде думал».

Причем в разговоре о Гарибальди этот общий диалогический подход усилен и обострен до прямой полемики двух разных точек зрения. Можно предположить, что начинает этот разговор Аркадий, Версилов же отвечает ему и выказывает свою позицию по отношению к итальянскому полководцу.

Думается, именно Подросок в начале данного фрагмента обращается к «Запискам» Гарибальди, специально сосредоточившись на его политической и «экономической системе», которую он воспринимает как «совершенные пустяки», потому что «как их исполнить?». Отсюда следует его вывод о том, что Гарибальди «мыслию не орел». Этой характеристике экономической программы Гарибальди Версилов противопоставляет иной подход к нему – подход в масштабе «великой» человеческой личности: «чистый великий характер», «дела великие», «провозвестник великой идеи», «защитник великой идеи всю свою жизнь».

В определенной степени Аркадий с ним согласен, он также называет Гарибальди «храбрым генералом и честным человеком», он вспоминает об известном бескорыстии итальянского героя; следует напомнить, что именно бескорыстие явилось основной темой разговора о нем и в «Зимних заметках о летних впечатлениях». И в конечном счете на основании этого сложного сочетания личностного и политико-экономического подхода к Гарибальди Аркадий делает вывод о его «простодушии» и как человека, и как политика.

В сущности, Версилов повторяет здесь представления Достоевского о Гарибальди 1860-х гг., в вопрошаниях и утверждениях же Аркадия намечается новая проблематика этого образа – более специальная проблематика его политической и экономической программы.

Именно политическая составляющая образа Гарибальди, осмысление специфики и исторического значения его политической деятельности актуализировалась у Достоевского в 1870-е гг., о чем свидетельствуют последние случаи обращения к нему в подготовительных материалах к «Дневнику писателя». В них также ярко проявилась уже обозначенная ранее тенденция использования имени и образа Гарибальди в основном в черновых материалах – без введения его в окончательный текст произведения («Двойник», «Подросок»). Это полностью относится к упоминанию Гарибальди в материалах «Дневника писателя».

В 1876 г. в <Записной тетради 1876–1877 гг.> для «Дневника писателя» имя Гарибальди введено в развернутый фрагмент размышлений писателя, посвященных франко-прусской войне, падению Наполеона III и французской монархии в целом и победившей Французской республике:

«Garibaldi; la république avant la France»⁷.

Воевали две равносильные державы, и не пришел бы помогать Гарибальди. Но кончился Наполеон, и настала республика, и Гарибальди пришел помогать молодой республике и республиканцам <...>

Франция очень-таки не сочувственно смотрела <...> на подвиги Гарибальди и сказала “jamais”⁸. Франция очень покойна была в то время. Разве стала считать себя более зрелой, чем прежде? Это смешно. Общество было недовольно Наполеоном, эпоха смешанная, а в первую революцию Франция, основанная во Франции, гордилась собой и действительно считала себя зреее. А уж при Наполеоне-то I как гордились собою все 2/3 или даже 3/4 его царствования, до

тех пор, пока буржуазное восхищение поддалось наконец разочарованию, а вместе с тем и проснулись подавленные революционные силы» [32. С. 253–254].

Достоевский пишет здесь о решении Гарибальди, на фоне падения Наполеона III и провозглашения Французской республики, возглавить в 1870–1871 гг. Вогезскую армию в продолжающейся войне Франции с Пруссией. Этот эпизод из его политической жизни Достоевский отчетливо и недвусмысленно интерпретирует именно как поддержку «молодой республики и республиканцев»: «Garibaldi; la république avant la France». Так впервые в творчестве Достоевского Гарибальди предстает одним из лидеров революционно-го движения в Европе – и только.

В свою очередь, из «Вариантов» к «Дневнику писателя» за 1874 г. следует, что имя Гарибальди возникает у Достоевского, как кажется сначала, в совершенно неожиданном контексте «восточного вопроса»: «внизу листа наброски: ”1. Гарибальди и проч.”» [35. С. 308]. Эта отметка писателя относится к главе «III. Продолжение предыдущего», которая начинается следующим образом: «Мне даже очень досадно, что я должен был так распространиться. Если б возможна была когда-нибудь война Франции с Турцией и при этом заволновались бы принадлежащие Франции мусульмане, алжирские арабы, то неужели вы думаете, что французы не усмирили бы их тотчас же самым энергическим образом?» [35. С. 127].

Как показывает <Записная тетрадь 1876–1877 гг.> для того же «Дневника писателя» 1876 г., действительно, Гарибальди и «восточный вопрос» объединены в сознании Достоевского – и объединены категорией личности; личность политического деятеля – по-прежнему в центре внимания писателя. А именно здесь он сопоставляет Гарибальди и генерала М.Г. Черняева, возглавившего в 1876 г. сербскую армию в борьбе православных славян против владычества Османской империи: «Черняева можно сравнить разве с Гарибальди, человеком простодушнейшим до странности, а тоже, может быть, очень честолюбивым, но непременно гениальным. Но Гарибальди не сам начал, а пошел по инициативе Кавура, а Черняев сам начал. (Объединение Италии, объединение славян.) Правда, уж то, что Гарибальди примкнул к Кавуру, показывает его гениальность <...> Правда, Гарибальди только пошел за Кавуром, а Черняев все сам начал, но...» [32. С. 282].

Как известно, Достоевский восхищался М.Г. Черняевым и его деятельностью по «объединению славян», именно так квалифицировал писатель и сам «восточный вопрос» в целом: «восточный вопрос <...> есть и славянский вместе» [36. С. 30].

В данном фрагменте Достоевский вновь возвращается к вопросу о соотношении двух лидеров национального объединения Италии, Гарибальди и Камилло Бенсо ди Кавура, фактически противоречия самому себе начал 1860-х гг. Если в <Записной книжке 1860–1862 гг.> в разделе «Чернышевскому» он утверждал, что «дюжинная душа» Кавура «властвует над всеми, вопреки гениальным, из умения воровски пользоваться гениальными мыслями» Гарибальди, то теперь он пишет: «Но Гарибальди не сам начал, а

пошел по инициативе Кавура <...> Правда, Гарибальди только пошел за Кавуром». Думается, такое смещение акцентов было предпринято Достоевским, чтобы подчеркнуть исключительно самостоятельную позицию М.Г. Черняева: возглавить военную борьбу сербов против турецкого владычества было его собственным политическим решением, которое на первом этапе расходилось даже с дипломатическими решениями Российской империи по этому поводу.

В общем же данный текст организован плодотворным сопоставлением Гарибальди и М.Г. Черняева. Они оба, с точки зрения Достоевского, стремились к реализации соотносимых между собой историко-политических задач национального объединения: «объединение Италии, объединение славян». И их личностные качества, по мысли Достоевского, также соотносимы между собой – это гениальность, простодушие и честолюбие.

Итак, можно утверждать, что «гениальность» и «простодушие» – это сущностные качества личности Гарибальди, по Достоевскому, он возвращается к ним снова и снова.

В целом к имени и образу Гарибальди Достоевский обращался на протяжении двух десятилетий, начиная с 1860 г. и заканчивая 1876 г. Произведения Достоевского, связанные с именем Гарибальди, – это «Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Двойник», «Подросток», «Дневник писателя», а также письма 1867–1868 гг. При этом следует подчеркнуть одну важную особенность обращения к Гарибальди в творчестве писателя: только в двух произведениях начала 1860-х гг., в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» и в «Зимних заметках о летних впечатлениях», его образ представлен в опубликованном каноническом тексте; во всех остальных произведениях 1860–1870-х гг. (второй вариант «Двойника», «Подросток», «Дневник писателя») обращение к нему предпринимается исключительно в подготовительных материалах. Образ Гарибальди в творчестве Достоевского важен, но часто «скрыт», зачастую он выполняет функции некоего «подтекста», смыслы и значение которого для основного текста нуждаются в дальнейшем исследовании.

Весь комплекс указанных материалов свидетельствует о том, что Достоевский был хорошо осведомлен о событиях и обстоятельствах, связанных с именем Гарибальди и с итальянским Рисорджименто в целом. Источниками этого знания для писателя послужили европейские и российские газеты и журналы, «Записки» итальянского политического деятеля, наконец, случайная личная встреча с ним в 1867 г.

Изображение Гарибальди разворачивается у Достоевского в широком диапазоне от простого называния имени до яркого художественного образа (свой вклад в создание образа Гарибальди внесла также А.Г. Достоевская). И при всем внимании к его политической деятельности, в конечном счете, в образе Гарибальди Достоевского доминируют личностные категории и характеристики, он определяется представлением писателя об уникальном масштабе личности «итальянского героя».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Обращает на себя внимание данная формулировка исследователя, вполне соотносимая с формулой Достоевского «униженные и оскорбленные»; этот роман был написан в тех же 1860–1861 гг. и впервые был опубликован в журнале «Время» в 1861 г.
- ² Камилло Бенсо ди Кавур (1810–1861) – итальянский политик, сыгравший важную роль в объединении Италии; противостоял Гарибальди в вопросах стратегии и тактики объединения страны.
- ³ См.: «Вы хотите, чтоб вас не слушали, а слушались» [22. С. 154]; «Плоды не едят на картине» [22. С. 155]; др.
- ⁴ Сражение 29 августа 1862 г. у горы Аспромонте, проигранное Гарибальди; он был тяжело ранен и взят в плен; в октябре этого же года амнистирован.
- ⁵ Напомню, что именно эти стенографические записи А.Г. Достоевской и составили ее «Дневник 1867 г.».
- ⁶ «Пусть подумают, как улучшить человеческое существование, а не служат эгоизму, высокомерию, упрямству привилегированных классов <...> когда доведенный до отчаяния народ <...> готов смести их с дикой яростью, вполне оправданной, ибо это следствие той ненависти, что поселяли сами тираны» [34. С. 291–292].
- ⁷ Гарибальди; республика прежде Франции (фр.).
- ⁸ Никогда (фр.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Галло М. Джузеппе Гарибальди / гл. ред. Л. Григорян. Ростов н/Д : Феникс, 1998. 480 с. (серия «След в истории»).
2. Якубович И.Д. Примечания // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1979. Т. 19. С. 262–279.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1979. Т. 19. 359 с.
4. [Разин А.Е.] Обзор главнейших политических событий за весь минувший год // Время. Журнал литературный и политический. СПб. : Тип. Э. Праца, 1861. № 1. С. 25–32.
5. [Достоевский Ф.М.] Петербургские сновидения в стихах и прозе // Время. 1861. С. 1–22.
6. Панарин С.А. Гарибальди в России: траектория образа // История и современность. 2013. № 2 (18). С. 75–106.
7. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861–1863 / гл. ред. Е.Г. Павловская. М. : Наука, 1972. 316 с.
8. Альтман М.О. По векам имен / гл. ред. Л.В. Васильева. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1975. 282 с.
9. Новикова Е.Г. Рим и Неаполь Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура : альманах. СПб. : Серебряный век, 2009. Вып. 26. С. 35–42.
10. Курган М.Г. Ф.М. Достоевский и Италия (биографический, имагологический и рецептивный аспекты) : дис. ... магистра филологии. Томск, 2016. 133 с.
11. Roazen Paul. Political Theory and the Psychology of the Unconscious: Freud, J.S. Mill, Nietzsche, Dostoevsky, Fromm, Bettelheim and Erikson. Open Gate Press, 2000. 185 p.
12. Trepanier Lee, Avramenko Richard. Dostoevsky's Political Thought. Lexington Books, 2013. 254 p.
13. McReynolds Susan. Aesthetics and Politics: The Case of Dostoevsky // Literary Imagination. 2002. Vol. 4, Is. 1. P. 91–104.
14. Schmid Ulrich. Heidegger and Dostoevsky: Philosophy and Politics // Dostoevsky Studies, New Series. 2011. Vol. XV. P. 37–45.
15. Вировец С.В. Споры о политике Англии и Франции на страницах русских журналов 1860–1862 гг. и позиция журнала братьев Достоевских «Время» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 21–27.
16. Щербинин А.И. У истоков холодной войны: контрверза Ф.М. Достоевского и Х. Арндт в вопросе о всемирном значении славянской идеи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 445. С. 78–81.
17. Алоэ Стефано. Великий инквизитор и этико-политическая жизнь Италии «эпохи Берлускони». Из журналистских и философских дебатов // Достоевский и журнализм / под ред. В.Н. Захарова, К.А. Степаняна, Б.Н. Тихомирова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. С. 361–379. (Dostoevsky Monographs; вып. 4).
18. Гоголь Н.В. Собрание сочинений : в 6 т. М. : ГИХЛ, 1952. Т. 3. 317 с.
19. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972. Т. 1. 518 с.
20. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14. 511 с.
21. Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития / сост., вступ. ст. В.В. Ерофеева; коммент. О. Дарка. М. : Искусство, 1990. 605 с. (История эстетики в памятниках и документах).
22. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1980. Т. 20. 432 с.
23. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : ГИХЛ, 1950. Т. 8. 699 с.
24. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 5. 406 с.
25. Достоевский Ф.М. Каламбуры в жизни и в литературе // Эпоха. Журнал литературный и политический, издаваемый семейством М. Достоевского. СПб. : Тип. Э. Праца, 1864. № 10. С. 20–32.
26. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1985. Т. 28, кн. 2. 616 с.
27. Новикова Е.Г. «Nous serons avec le Christ». Роман Ф.М. Достоевского «Идиот». Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2016. 244 с.
28. Достоевская А.Г. Дневник 1867 г. / изд. подгот. С.В. Житомирская. М. : Наука, 1993. 453 с. (серия «Литературные памятники»).
29. Достоевская А.Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста, прим. С.В. Белова, В.А. Туниманова. М. : Правда, 1987. 544 с.
30. Белов С.В., Туниманов В.А. А.Г. Достоевская и ее воспоминания // Достоевская А.Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста, прим. С.В. Белова, В.А. Туниманова. М. : Правда, 1987. С. 5–40.
31. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 16. 441 с.
32. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1982. Т. 24. 521 с.
33. Гарибальди И. Записки : в 3 ч. СПб. : Тип. Л. Демиса, 1860. 461 с.
34. Гарибальди Дж. Мемуары. М. : Наука, 1966. 468 с. (Серия «Литературные памятники»).
35. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1981. Т. 23. 425 с.
36. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1983. Т. 25. 470 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 июня 2020 г.

The Image of Garibaldi in Fyodor Dostoevsky's Works

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 37–45.

DOI: 10.17223/15617793/460/4

Svetlana V. Murzina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: skrasnikova12@gmail.com

Elena G. Novikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

Keywords: Fyodor Dostoevsky; Giuseppe Garibaldi; Anna G. Dostoevskaya; Risorgimento; *Petersburg Dreams in Verse and Prose*; *Winter Notes on Summer Impressions*; *The Double*; *The Adolescent*; *A Writer's Diary*.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020\19.

The study is the first to collect, describe and analyze the main body of Fyodor Dostoevsky's comments related to Giuseppe Garibaldi. The image of the Italian political figure is reconstructed in the creative works of the Russian writer. The image is analyzed from historical and political perspectives of the nineteenth-century Russia (1860–1870) and the Italian Risorgimento. The relevance of the study is due to the modern perception of Dostoevsky as an original political thinker and the wide context of Russian-Italian relations. Giuseppe Garibaldi is one of the most distinguished political figures in the European history of the middle of the second half of the 19th century. He is a national hero of Italy, one of the leaders of the Risorgimento whose main political achievement was unification of the country and nation. Dostoevsky repeatedly referred to Garibaldi during two decades, from 1860 to 1876. Dostoevsky's creative works related to the image of Garibaldi are as follows: *Petersburg Dreams in Verse and Prose*, *Winter Notes on Summer Impressions*, *The Double*, *The Adolescent*, *A Writer's Diary*, as well as his letters of 1867 and 1868. The way Garibaldi's image is reflected in Dostoevsky's creative writing is worth noting: Garibaldi is mentioned only in final versions of two works of the beginning of the 1860s, i.e. *Petersburg Dreams in Verse and Prose* and *Winter Notes on Summer Impressions*; in the works of the 1860s–1870s (*The Double*, *The Adolescent*, *A Writer's Diary*), Garibaldi is mentioned only in preliminary drafts, not in the final canonical versions of the works. Garibaldi's image is of particular importance in Dostoevsky's creative writing; however, it is often “hidden” being not explicit, but implicit textual evidence. All the mentioned materials show that Dostoevsky was aware of the events and circumstances related to Garibaldi and the Italian Risorgimento as a whole. He received the information from European and Russian newspapers and journals, Garibaldi's *Notes*, and, finally, an occasional face-to-face meeting with him in 1867. Garibaldi's image is created in different ways: Dostoevsky simply mentions his name or creates a vivid artistic image (A.G. Dostoevskaya also contributed to shaping Garibaldi's image). With all the attention that Dostoevsky paid to Garibaldi's political activity, the image that he finally created in his works stands out for personal features and traits associated with the unique personality of the “Italian hero”. According to Dostoevsky, “genius” and “open-heartedness” are the essential features of Garibaldi's personality.

REFERENCES

- Gallo, M. (1998) *Dzhuzeppe Garibal'di* [Giuseppe Garibaldi]. Rostov-on-Don: Feniks.
- Yakubovich, I.D. (1979) Primechaniya [Notes]. In: Dostoevskiy F.M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes]. Vol. 19. Leningrad: Nauka. pp. 262–279.
- Dostoevskiy, F.M. (1979) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes]. Vol. 19. Leningrad: Nauka.
- Razin, A.E. (1861) Obzor glavneyshikh politicheskikh sobyitiy za ves' minuvshiy god [Review of the main political events for the entire past year]. *Vremya. Zhurnal literaturnyy i politicheskoy.* 1. pp. 25–32.
- [Dostoevskiy, F.M.] (1861) Peterburgskie snovideniya v stikhakh i proze [Petersburg dreams in poetry and prose]. *Vremya.* 1. pp. 1–22.
- Panarin, S.A. (2013) Garibal'di v Rossii: traektoriya obraza [Garibaldi in Russia: the trajectory of the image]. *Istoriya i sovremennost'.* 2 (18). pp. 75–106.
- Nechaeva, V.S. (1972) *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh "Vremya". 1861–1863* [M.M. and F.M. Dostoevsky's “Vremya”. 1861–1863]. Moscow: Nauka.
- Al'tman, M.O. (1975) *Po vekham imen* [By milestones of names]. Saratov: Saratov State University.
- Novikova, E.G. (2009) Rim i Neapol' F.M. Dostoevskogo [Rome and Naples in F.M. Dostoevsky's works]. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. Is. 26. St. Petersburg: Serebryanyy vek. pp. 35–42.
- Kurgan, M.G. (2016) *F.M. Dostoevskiy i Italiya (biograficheskiy, imagologicheskiy i retseptivnyy aspekty)* [F.M. Dostoevsky and Italy (biographical, imagological and receptive aspects)]. Philology Master's Diss. Tomsk.
- Roazen, P. (2000) *Political Theory and the Psychology of the Unconscious: Freud, J.S. Mill, Nietzsche, Dostoevsky, Fromm, Bettelheim and Erikson.* Open Gate Press.
- Trepanier Lee & Avramenko, R. (2013) *Dostoevsky's Political Thought.* Lexington Books.
- McReynolds, S. (2002) Aesthetics and Politics: The Case of Dostoevsky. *Literary Imagination.* 4 (1). pp. 91–104.
- Schmid, U. (2011) Heidegger and Dostoevsky: Philosophy and Politics. *Dostoevsky Studies, New Series.* XV. pp. 37–45.
- Virovets, S.V. (2020) Disputes About the Politics of England and France on the Pages of Russian Magazines of 1860–1862 and the Position of the Dostoevsky Brothers' Magazine Vremya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 451. pp. 21–27. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/451/3
- Shcherbinin, A.I. (2019) At the dawn of the Cold War: F. M. Dostoevsky vs H. Arendt in the question about the world value of the Slavic idea. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy. Sociology and Political Science.* 445. pp. 78–81. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/445/10
- Aloe, S. (2013) Velikiy inkvizitor i etiko-politicheskaya zhizn' Italii “epokhi Berlusconi”. Iz zhurnalistskikh i filosofskikh debatov [The Grand Inquisitor and the Ethical and Political Life of Italy in the “Berlusconi Era”. From journalistic and philosophical debates]. In: Zakharov, V.N., Stepanyan, K.A. & Tikhomirov, B.N. (eds) *Dostoevskiy i zhurnalizm* [Dostoevsky and journalism]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 361–379. (Dostoevsky Monographs. Is. 4).
- Gogol, N.V. (1952) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes]. Vol. 3. Moscow: GIKhL.
- Dostoevskiy, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
- Dostoevskiy, F.M. (1976) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 14. Leningrad: Nauka.
- Rozanov, V.V. (1990) *Nesovmestimye kontrasty zhitiya* [Incompatible contrasts of life]. Moscow: Iskusstvo.
- Dostoevskiy, F.M. (1980) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 20. Leningrad: Nauka.
- Chernyshevskiy, N.G. (1950) *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete works: in 15 volumes]. Vol. 8. Moscow: GIKhL.
- Dostoevskiy, F.M. (1973) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.
- Dostoevskiy, F.M. (1864) Kalambyry v zhizni i v literature [Puns in life and literature]. *Epokha.* 10. pp. 20–32.
- Dostoevskiy, F.M. (1985) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 28. Book 2. Leningrad: Nauka.
- Novikova, E.G. (2016) “Nous serons avec le Christ”. *Roman F.M. Dostoevskogo "Idiot"* [“Nous serons avec le Christ”. F.M. Dostoevsky's “The Idiot”]. Tomsk: Tomsk State University.
- Dostoevskaya, A.G. (1993) *Dnevnik 1867 g.* [Diary of 1867]. Moscow: Nauka.
- Dostoevskaya, A.G. (1987) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Pravda.
- Belov, S.V. & Tunimanov, V.A. (1987) A.G. Dostoevskaya i ee vospominaniya [A.G. Dostoevskaya and her memories]. In: Dostoevskaya, A.G. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Pravda. pp. 5–40.
- Dostoevskiy, F.M. (1976) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 16. Leningrad: Nauka.
- Dostoevskiy, F.M. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 24. Leningrad: Nauka.
- Garibaldi, G. (1860) *Zapiski: v 3 ch.* [Notes: in 3 parts]. Translated from Italian. St. Petersburg: Tip. L. Demisa.
- Garibaldi, G. (1966) *Memuary* [Memoirs]. Translated from Italian. Moscow: Nauka.
- Dostoevskiy, F.M. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 23. Leningrad: Nauka.
- Dostoevskiy, F.M. (1983) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 25. Leningrad: Nauka.

Received: 23 June 2020